

ПРОДОЛЖЕНИЕ.
НАЧАЛО В №59 ОТ 29 ИЮЛЯ

Мы продолжаем публикацию воспоминаний Анастасии Клементьевны.

Анастасия Баландина

Весной, когда таял снег и бежали ручьи, мы отправлялись к депо. Рядом с ним выбрасывали запачканные обтирочные материалы: отрезки тканей, какую-то пряжу, тряпки. Всё подвергалось нашему детскому анализу и разбиралось на игры. Помню, раз попались кусочки яркого зелёного бархата, из которого я сшила кукле платье.

А зимой главные забавы — это катание на санках с горки, освоение высоких и прочных сугробов. Помню, как поздним утром и ранним вечером мы пытались разгадать тайну Луны. На этой большой белой тарелке появлялось изображение каких-то гор, или лица, или силуэт горбатого животного. Чего только не придумает детская фантазия! Эти тайны развили потом интерес к астрономии. В 6–7 классах я читала научно-популярные брошюры Перельмана о космосе.

В 1944–1947 годах автомашины перестали быть редкостью. На них возили уголь, ездили, как на автобусах, в деревню перевозили сено. А зимой подростки делали из проволоки длинные крючки и цеплялись сзади на машину. На ногах у них к валенкам были прикреплены коньки. Лихо катались! Сейчас такие лихачи цепляются за электрички (это в Москве) и называют их зацеперы.

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

К 1940 году улица Береговая заметно изменилась. Вместо землянок стали появляться деревянные дома. У каждого большой огород, приусадебное хозяйство. Потребности семьи в молоке, мясе, овощах закрывались за счёт собственного труда.

В 1941 году и наша землянка доживала последние дни. Рядом с ней уже был построен дом из шпал, но не было ещё печи. Мама пекла блины на печи в полуразрушенной землянке, а на стене висел чёрный круг — радио. Мне тогда, когда по радио объявили о начале войны, было пять с половиной лет. Уже на следующий день молодых мужчин начали отправлять на фронт.

По широкой Береговой с песнями и слезами, нарядные, шли группы родственников, они прощались надолго, а скорее — навсегда. Я тогда не понимала этого, считала, что пришёл какой-то праздник. Продолжался он 1418 дней и ночей. И только позднее до нашего детского сознания дошёл смысл понятия «война».

Была введена карточная система снабжения. Рабочий день — 12 часов. В магазине нет самого необходимого. Так как уголь был нужен металлургическим заводам Челябинска, электростанциям, жителям области, то специа-

ИСПОВЕДЬ О МАЛОЙ РОДИНЕ

Строительство дома для детей из блокадного Ленинграда на улице Сталина (ныне проспект Горняков) | Фото из архива **Елены Даванковой**

листов — рабочих угольного разреза на фронт не отправляли, у них была броня. Наш папа имел такую. Мужчины, которых по состоянию здоровья не брали на фронт, служили в трудовой армии.

Нашим шахтёрам давали талоны на питание. По ним можно было пообедать в разрезовской столовой. Но часто папа по этим талонам кормил нас. Я помню, как мы с Мишей приносили в бидоне суп — очень аппетитный запах и цвет! Иногда на талоны давали тесто. На обратной дороге мы его пробовали: возмёшь на палец и жуёшь. Очень сладкое, вкусное!

Выращивали на своём огороде много овощей: лук, морковь, картошку. Когда очень хотелось есть, съедали летом по 3–4 моркови с грядки. Весной, когда все запасы кончались, уходили в поле, собирали прошлогоднюю картошку, мешали с горсткой муки — лепёшка готова! Лук зимой резали кольцами и пекли на плите — сладко! Весной переходили на первую зелень: конский щавель, лук «швирик». Так называли мелкий дикий лучок. Когда появлялась клубника лесная, то ягоды заворачивали в лист крапивы и ели.

Голод научил нас ловить рыбу в реке Чумляк. Там водилась мелкая рыбёшка — гальяны. Мы делали сачки и боталом загоняли стайку рыбок в сачок. Мама жарила со сметаной. Так и выживали благодаря своему труду.

Где-то в 43–44 году в Коркино появились американские продукты, которые поступали в СССР по ленд-лизу. Это были мясные консервы, солёная сельдь. Я помню, как наша семья получила жирную сельдьку. Где её хранить? Ведь холодильников в то время не было! Повесили мешок с рыбой в сенцах, и из него постоянно капал жир.

Одеться-обуться тоже было не во что. Папа научился шить сапоги из «коркинского хрома». Не знаю, как добывали транспортёрную ленту, но она нас выручала. Прорезиненные слои отделяли друг от друга. Это и был хром. Научили его

чеботарничать друзья-немцы из репатриантов.

А мама была мастерица на все руки: шила, вязала иглами, крючком, делала филейные скатерти. Меня в детстве дразнили барыней за то, что у меня всё было по росту и новое. Ткань — это больничные простыни. Их мама покупала на базаре за деньги, которые получала за проданный винегрет. Белые простыни дома красила в чёрный, красный, коричневый цвета и шила платица, трусики, фуфайки.

По мере нашего взросления включались в трудовую деятельность: поливали грядки, пололи, убирали в доме и во дворе, ухаживали за кроликами, козочками, телёнком. Корова телилась в марте, и с этого времени телёночек жил с нами в доме, между печкой и дверью в сенцы. Мы его очень любили, гладили, кормили и следили, чтобы он писал только в баночку, а не на пол. В мае коров выгоняли в стадо, которое паслось за отвалом. В пять часов меня будила мама, и я провожала корову. Идешь и спишь, а обратно — уже бодро бежишь домой, любуешься утренней зарёй. Розово-голубое небо отражалось в водах Чумляка. Перед отвалом собиралось много воды, было похоже на озеро. Вот в этом зеркале и отражалось небо.

Однажды на отвале ко мне молча приблизился круторогий баран. С разбегу поддел меня под зад. Только я поднялась, как он опять нацелился на меня. Вероятно, на такой подвиг его вдохновил мой маленький рост.

После окончания войны жизнь стала налаживаться. В 1947 году проведена денежная реформа, отменили карточки. Появились огромные очереди за хлебом. Раньше мы отоваривали карточки около швейной фабрики на улице Верхней, а с 1947 года — в посёлке Немецком на Вскрыше. В очереди дежурили по очереди. Очередной номер записывали на руке — от ладони до локтя. Если кто-то ночью уйдёт домой, его вычёркивали из очереди.

Когда привозили хлеб, была страшная давка. Случалось,

что даже раздавливали грудную клетку. В магазин впускали по 10 человек. Когда шли с хлебом домой, нас сопровождали голодные собаки.

С 12 лет каждое лето я помогала родителям заготавливать сено, собирать в лесу ягоды, грибы. Папу тянуло на родину, в деревню Погорелку. Там был покос, а также в Таяндах, Шумаках, Томино. Я всегда с ним. А маме помогала Нина. В 1947 году родилась Люся.

На нашей усадьбе в 1950 году начали строить школу №9. Огород у нас забрали, а нам выделили шесть соток на Старом. Год мы там занимались огородом, но уходить с улицы Береговой было очень тяжело. Тогда власти урезали огорода на чётной стороне, ближе к реке. Появилась улица Серафимовича. И вот здесь мы стали строить новый, уже третий по счёту, дом №19.

Строили сами из шпал, на фундамент возили камни — песчаник с отвала. Мох драли из болот за отвалом. Там сейчас проходит рядом Троицкий тракт. Доски привозили с разломанного барака. Осенью 1953 года поселились в недостроенном доме. Почуввав живую кровь, ожили в старых досках клопы. Бывало, сидишь на некрашенном полу, а к тебе бежит тощий клоп. Поставишь перед ним палец, а он принимает боевую позу, становится на дыбы. Помогли одолеть эту нечисть пауки, которые тоже завелись на свежей сырой штукатурке. Спасибо им: они помогли уничтожить клопов, и больше их в доме не было.

«ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ, ЧУДЕСНЫЕ...»

Разрез работал в полную силу. Быстро росло население. И посёлку в 1942 году было присвоено звание города. В Коркино, конечно, нужны больница, школы, бани, почта и так далее. Первая больница появилась на Старом, там же и начальная школа, баня. Дома строили из шлака. В 1946 году начали строить кинотеатр имени Максима Горького и другие объекты — уже на Новом.

Первая школа появилась у железной дороги. Меня отправили в школу в 1944 году, и я закончила первый класс в 1945-м. Помню День Победы. В конце войны в школах ввели бесплатное питание для детей. Нам давали булочку и стакан чая или кофе. Накануне 9 мая в городе выпал снег. Мы шли на занятия не через Чумляк, в обход по «железке». Как обычно по звонку разошлись по классам. Но уроков не было! Все вышли в коридор. По радио услышали ошеломительную новость: конец войне! ПОБЕДА! Все радостно прыгали, кричали, обнимались! Уроки отменили, а нас угостили булочками и отправили по домам.

На следующий год вместо старого барака было построено новое деревянное здание для школы там, где сейчас расположена баня и бывший молокозавод. В классах училось по 40 человек. Явно не хватало мест.

После войны правительство запретило под угрозой тюремного наказания делать аборт. Нужно было восстановить численность населения. Ведь страна потеряла 27 миллионов человек. Поэтому детей было много. В городе появились школы №3 — жёлтая и №1 — красная (по внешней окраске здания). Учились в три смены. В 1950 году начали строить школу около церкви. Сейчас это начальная школа №7, а тогда это была семилетка. Я проучилась в ней один год в седьмом классе.

Директор Михаил Тимофеевич Маслов сразу приучал к порядку и дисциплине. Каждую большую перемену мы вместе с классным руководителем выходили в большой просторный коридор и спокойно передвигались по кругу. Можно было разговаривать, смеяться, но не бегать! Наши первые молодые учителя позднее стали руководителями школ, парторганизаций. Это Анна Никаноровна Тарташова (учитель химии), Нина Степановна Миронец (русский язык), Валентина Николаевна Порозова (история).

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

Первые годы работы разреза | Фото **Василия Цицера**